

Функциональные аспекты медиа- и политического дискурса

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.14529/ling160406

НОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Н.Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена описанию новых слов русского языка как когнитивно-дискурсивного феномена. Анализируются слова, причинами появления которых являются следующие факторы: политические процессы, морально-нравственные нормы, общественная жизнь. Автор приходит к выводу, что окказиональные новообразования, с одной стороны, отражают концептуальные и аксиологические предпочтения говорящих, а с другой стороны, используются в разных типах дискурса, подвергаются жанровым и модусным изменениям, вытесняются новыми, более актуальными для конкретного исторического периода словами.

Ключевые слова: новообразования, когнитивно-дискурсивный феномен, политические процессы, жанр, аксиологические предпочтения.

Анализ эмпирического материала в настоящем исследовании нам бы хотелось предварить некоторыми теоретическими предпосылками, к основным из которых относим положение об употреблении номинации *новообразование* для характеристики новых слов русского языка. В своих предыдущих работах [7] мы использовали понятие *термин* при описании таких слов политической действительности, как *путинг*, *дебатозаменитель*, *рукопожатр*, *саморасчехление*, *голосовать ногами*, *бандерлоги* и др. Вероятно, что на определенном этапе общественного развития указанные единицы могли претендовать на статус термина, так как, по справедливому замечанию Е.И. Головановой «термины, обозначая наиболее значимые ментальные объекты профессиональной деятельности (как имеющие референта, так и носящие абстрактный характер), вербализуют логическую модель определенной системы знаний или деятельности и выступают в качестве основных когнитивных ориентиров в рамках этих систем» [2, с. 95]. Как показывает анализ речевого материала и непосредственное наблюдение за действительностью, впоследствии перечисленные выше неологизмы претерпели значительные изменения в семантическом и формальном плане и утратили признаки термина, а именно: точное соотношение термина со специальным понятием, для которого, в свою очередь, характерна содержательная точность; системность, то есть принадлежность к определенной терминологии; стремление термина к унивокативности (однозначности); парадигматичность термина, то есть его способность реализовывать значение вне контекста [3, с. 31–32].

Позднее [8] для характеристики новых слов русского языка мы использовали слово *неологизм*,

однако данный термин в процессе своего существования в языке обозначал как слова родного языка, образованные по продуктивным и непродуктивным моделям словообразования, так и заимствованные лексические единицы. Поэтому такая многозначность понятия *неологизм* не в полной мере передает суть процесса создания новых слов, которые отражают экстралингвистическую реальность не постфактум, а в определенный исторический момент.

Полагаем, что при изучении и описании новых слов российской действительности наиболее релевантным является употребление термина *новообразование*, так как он воплощает когнитивно-дискурсивную природу окказионализмов, когда «в процессах неологизации познающий новое субъект, являющийся носителем когниции, играет ведущую роль, генерируя лексико-семантические инновации» [6]. Так, многие из новых слов претендуют на роль концептов, например, номинация *крымнаш*. Даже правописание слова отражает аксиологические предпочтения носителей русского языка. Например, сотрудник Центра российских и евразийских исследований Михаил Суслов указывает, что «иронически настроенные пользователи пишут «крымнаш», серьезные – «Крым наш». Люди, которые за присоединение Крыма, пишут, что либералы извратили хорошее понятие, поэтому надо писать «Крым наш», отдельно и с большой буквы» [10].

Примечательно, что номинация *Крымнаш* активно входит в словообразовательную парадигму русского языка. Если в 2015 г. И.Т. Вепрева говорит о «*последовательном*» (выделено нами. – Н.К.) превращении неизменяемого существительного в изменяемое первого склонения субстантивного типа» [1], то в последнее время падежные оконча-

ния этого слова активно оформляются русскими грамматическими средствами, с этой целью используются синтетические средства, то есть слово принимает изолированные грамматические флексии, однако оформленные с помощью апострофа: *Но по-видимому, именно патриотизм стал тем чувством, вокруг которого консолидировались граждане в попытках артикулировать более глубинные интерпретации «Крымнаш'а»* [15].

На наш взгляд, с лингвистической точки зрения данную лексему можно рассматривать как нестандартное образование русского языка, когда «при их создании нарушается словообразовательная норма» [14, с. 65]. Авторы учебного пособия «Специфика современного медийного словотворчества» отмечают, что «сама нестандартная структура окказионализма обуславливает его большую экспрессивность и, соответственно, экспрессивность текста» [14, с. 65]. В случае с номинацией «крымнаш» экспрессивность, детерминированная нарушением частеречного условия словообразования, усиливается экстралингвистическими факторами, а именно отражением той реальности, которая объективировалась в слове, претендующим на роль патриотического концепта.

О.С. Иссерс справедливо отмечает, что *Крымнаш* – это «не номинативная, а когнитивная единица, которая в компрессированной форме обозначает модель ситуации и одновременно способ аргументации» [5, с. 27]. Так, 9 июня 2016 г. телеканал Russia Today выпустил ролик под названием «Если #Крымнаш. Альтернативная история про Крым от РТ», где используется вариант окказиональной лексемы *Крымнаш* и моделируется вариант альтернативной истории.

Другим новообразованием русского языка, имеющим когнитивно-дискурсивную природу, является словосочетание *вежливые люди*, употребляющееся для обозначения военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, которые действовали на территории Крыма без одобрения Украины и без опознавательных знаков. В данном случае ироническое употребление слова *вежливый* основано на взаимодействии словарного и контекстуального значений, а само словосочетание «вежливые люди» можно рассматривать как эвфемизм, обозначающий политику и философию власти. Новообразование «вежливые люди», равно как и другие неологизмы русского языка, убедительно показывает, насколько чувствителен наш словарный запас ко всем изменениям, происходящим в обществе. Некоторые из новых языковых единиц не выдерживают исторических изменений в семантическом и формальном планах, а другие активно употребляются в различных типах дискурса. Так, например, анализируемый неологизм был использован президентом России В.В. Путиным в его Послании Федеральному Собранию в 2014 г.: *Добиться военного превосходства над Россией ни у кого не получится. Наша армия – современная, боеспособная. Как сейчас говорят, вежли-*

вая, но грозная. Для защиты нашей свободы у нас хватит и сил, и воли, и мужества [13].

Синонимичным вежливым людям является и словосочетание *зеленые человечки*, когда на основе метонимического переноса (цвет камуфляжной формы) иронически обозначаются люди без знаков различия и неясного происхождения, поведение которых при военных действиях кажется вежливым, но представляет некоторую угрозу. Находим пример использования словосочетания *зеленые человечки* в Национальном корпусе русского языка: «*Зеленые человечки*», *находившиеся в Крыму, были российскими военнослужащими, следует из ответов Путина в четверг в ходе прямой линии* [Михаил Рубин, Александр Артемьев, Степан Опалев. Президент объяснил политику по отношению к Украине, Европе и США // РБК Дейли, 2014.04.18]. Следует отметить, что мем *вежливые люди* характерен для российских СМИ, а в зарубежной прессе используется словосочетание *little green men* – *зеленые человечки*.

Многие другие новые слова российской политической действительности в настоящее время переосмысливаются, теряют имевшуюся у них ранее негативную окраску, а «изначально оскорбительное прозвище становится самообозначением» [5]. Так, например, в 2011 г. для обозначения патриотов России появился термин *ватник*, но вскоре слово потеряло негативную коннотацию, и патриоты с гордостью стали называть себя «ватниками». Возможно, в процессе нейтрализации пейоратива сыграла роль аллюзия на реалию советского прошлого, когда ватник (стеганная куртка) ассоциировалась с героизмом персонажей, доблестным трудом, великими стройками СССР.

Такая же история произошла с термином *укроп*, мемом, образованным путем контаминации слов *украинский* и *патриот*. В начале создания неологизма он имел оттенок маргинальности, но вскоре стал работать на пользу той группы, для обозначения которой был придуман. Так, президент Украины Петр Порошенко продемонстрировал журналистам шеврон с надписью «укроп» и следующим образом расшифровал слово: *УКРОП – это украинское сопротивление* [12].

Когнитивно-дискурсивная природа следующего новообразования *пятая колонна* проявляется уже в самом факте его победы в номинации «Антязык» в 2014 г. в конкурсе «Слово года». Ведь если номинативная единица создана для выражения отрицательного отношения к оппонентам, то скорее всего она может претендовать на функционирование в рамках языка вражды, однако, как отмечает Ксения Туркова, «те, кому оно адресовано, его с успехом иронически переосмыслили» [16], так что данное словосочетание вполне правомерно может быть отнесено не к языку вражды, а к антиязыку, то есть разновидности кодового языка. По мере своего существования в языке номинация *пятая колонна* прошла несколько этапов когнитивного и дискурсивного переосмысления: в

Функциональные аспекты медиа- и политического дискурса

30-е годы двадцатого столетия использовалось для наименования агентства генерала Франко, действовавшей в Испанской Республике во время гражданской войны; в связи с событиями на Украине термин «пятая колонна» стал обозначать тех, кто не поддерживает официальную политику, официальные настроения, официальную точку зрения на события. Приведем пример использования данного новообразования из Национального корпуса из русского языка: *А «пятая колонна» – это люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей»* [Повестка дня // «Эксперт», 2015].

Приведенный выше пример – это ответ президента России В.В. Путина во время пресс-конференции 18 декабря 2014 г., когда руководителю российского государства был задан вопрос о том, где проходит граница между «пятой колонной» и оппозицией. Президент России с полным правом может считаться человеком, возродившим этот термин в политическом дискурсе современной России. Таким образом, в связи с украинскими событиями словосочетание «пятая колонна» актуализировалось не только в языке публицистики, но и в идиостиле президента России В.В. Путина.

Когнитивно-дискурсивная природа новообразований русского языка проявляется также в том, что источниками словообразования являются разные сферы жизни: если в 2014 г. основным ресурсом создания неологизмов были политические процессы, то, по мнению редактора и главного куратора портала «Словари XXI века» Сергея Михеева, в 2015 г. главным источником словотворчества были «моральные нормы, морально-нравственные границы и границы допустимого» [9].

Так, в январе прошлого года появилась фраза *Я Шарли* после теракта в редакции французского сатирического журнала *Charlie Hebdo*, когда в издании были опубликованы очередные карикатуры неконформистского характера. Авторство фразы приписывают художественному директору журнала *Stylist* Йоахиму Ронсану. Слоган явился, с одной стороны, символом протеста против публикаций во французском сатирическом еженедельнике, а с другой – знаком индивидуальной солидарности с протестной культурой.

Вслед за слоганом *Я Шарли* появился лозунг *Я не Шарли* после публикации в уже упомянутом издании карикатуры на трагедию с российским самолетом над Синайским полуостровом. Таким образом медийное пространство отреагировало на проблему границ свободы. Конфликт интерпретации резонансных политических событий стал предметом обсуждения не только в среде рядовых граждан, но свою точку зрения по этому вопросу выказали официальные лица РФ. Так, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации Мария

Захарова на своей странице в социальной сети *Фейсбук* написала: *«Знаете, почему я не „Шарли“? Потому что, на мой взгляд, они обманывают и нас и себя: А) утверждая, что для их юмора нет запретных тем. Если бы это было так, то и карикатуру на мертвого сирийского ребенка можно было быть понять (не принять, а понять). Но это лишь при одном условии – если бы на следующий день после теракта „Шарли“ выпустила свежий номер с карикатурой на погибших товарищей. <...> Б) полагая недопустимым убийство человека (на примере теракта против „Шарли“), при этом оскорбляя мировые религии»* [17].

Однако не только политика и моральная оценка событий являются теми сферами общественной жизни, которые предлагают лингвисту неисчерпаемый источник новых слов и явлений для анализа и прогнозирования долговечности неологизмов. Так, в 2014 г. достаточно популярным стал неологизм «банный день», который с лингвистической точки зрения представляет собой интересный объект для анализа. Во-первых, в данном случае наблюдается калькирование с английского языка от глагола *to ban* – ‘запрещать, налагать запрет’. Во-вторых, общеупотребительное слово английского языка перешло в разряд компьютерно-опосредованной коммуникации и в социальных сетях стало обозначать ‘удалять из списков друзей тех, с кем пользователи не хотят поддерживать интернет-общение’. В-третьих, «банный день» – это метафорическая аллюзия на известное выражение, обозначающее банный день на Руси, когда в субботу было принято ходить в баню, мыть полы, совмещая с прачечным днем. В данном случае, на наш взгляд, необходимо учитывать связь между формированием понятий уже существующих объектов и образованием терминов при изучении метафоры в процессе образования неологизмов, так как формирование метафоры – сложный процесс создания термина и придания обиходному значению слова внутренней формы термина. Наконец, анализируемый неологизм можно рассматривать как содержащий элементы речевой агрессии, хотя он и не перекликается с узуальным словом обsceneного характера. Негативный прагматический потенциал новообразования «банный день» заключается в том, что он раскрывает «сущность процессов современного русского языка», выявляет, «какие события и факты являются релевантными для общества» [14, с. 90]. Многие исследователи отмечают, что на 2014 г. пришелся апогей взаимной агрессии, оскорблений, ненависти в социальных сетях.

Другим заметным словом 2014 г. стало *селфи* – разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру. Многие смогут предположить, что популярность слова связана с явлением, когда люди все чаще и чаще делают селфи. Однако Р.И. Розина отмечает, что это явление было и раньше. Филолог в употреблении этого слова видит элемент престижа: «Во-

первых, оно таинственное. Вслушайтесь, ведь само слово ничего не говорит о том, что это фотография. Во-вторых, оно ассоциируется с курортами, с красивой жизнью. Девушки любят фотографировать себя в купальниках на отдыхе» [11].

Калька с английского слова *селфи себьяшка* не прижилась в русском языке. Таким образом, попытки выступить за пуризм и чистоту русского языка, русифицировать англоязычное слово не были успешными. Однако не все смирились с англоязычным заимствованием и 25 июля 2015 г. лидер ЛДПР Владимир Жириновский предложил заменить «селфи» на русскоязычное слово «себьяшки». «„Селфи“. А что это такое? Ну, когда сам себя фотографируешь. Ты назови это по-русски – „себьяшка“», – заявил Жириновский, обращаясь к участникам смены «Молодые депутаты и политические лидеры» Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме».

Другим популярным разговорным словом стала лексическая единица *норм* – альтернатива экстремальности, маргинальности: *Как ты? – Всё норм*.

Последнее слово – это своеобразная примета эпохи, когда мы становимся свидетелями примитивизации понятий, с одной стороны, сужения, а с другой – расширения диапазона стилевых регистров, когда, например, интернет-коммуникация сочетает в себе признаки как устной, так и письменной речи. С.В. Ильясова, Е.В. Каллистратидис определяют такую ситуацию как отступление от стандарта, нестандартное восприятие языковой материи, которые основаны на «имманентном преодолении языкового канона и противопоставлены употреблению языка за пределами Сети» [4, с. 235]. Представляется, что окказиональное употребление слов в компьютерно-опосредованной коммуникации является источником развития и расширения словарного состава языка, но важным является, чтобы эти изменения не привели к дестабилизации и полному уничтожению речевых норм.

Таким образом, процесс создания новых слов в русском языке вполне правомерно рассматривать как когнитивно-дискурсивный феномен: окказиональные новообразования, с одной стороны, отражают концептуальные и аксиологические предпочтения говорящих, а с другой стороны, используются в разных типах дискурса, подвергаются жанровым и модусным изменениям, вытесняются новыми, более актуальными для конкретного исторического периода словами.

Литература

1. Вепрева, И.Т. Об актуальной лексеме *Крымнаш* / И.Т. Вепрева // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII съезда МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.)*. – С. 31–35.
2. Голованова, Е.И. *Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие* / Е.И. Голованова. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 224 с.

3. Гончарова, Н.Н. *Особенности формирования лексического фонда подязыка информатики и вычислительной техники (на материале кодифицированной и некодифицированной лексики)* / Н.Н. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2000. – 201 с.

4. Ильясова, С.В. *Языковая игра в «сетевых языках»* / С.В. Ильясова, Е.В. Каллистратидис // *Интернет-коммуникация как новая речевая форма*. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 220–236.

5. Иссерс, О.С. *От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года* / О.С. Иссерс // *Политическая лингвистика*. – 2015. – Вып. 4 (54). – С. 25–31.

6. Касьянова, Л.Ю. *Новое слово как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности* // *Современные проблемы науки и образования* / Л.Ю. Касьянова. – 2012. – № 3. – <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6397> (дата обращения: 01.11.2016)

7. Кошкарлова, Н.Н. *Новые слова российской политической действительности* / Н.Н. Кошкарлова // *Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение»*. Вып. 73. – 2013. – № 1 (292). – С. 83–86.

8. Кошкарлова, Н.Н. *Неологизмы русского языка с точки зрения лингвокреативной деятельности* / Н.Н. Кошкарлова // *Когнитивные исследования языка*. – 2015. – № 20. – С. 825–829.

9. Новоселова, Е. *Приправлено «укропом»* / Е. Новоселова. – <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/12/21.html> (дата обращения 30.05.2016).

10. *Откуда взялись «крымнаш» и другие мемы*. – http://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml (дата обращения 30.05.2016).

11. *Пельмень-ивент – это для избранных*. – <http://www.pravmir.ru/pelmen-ivent-eto-dlya-izbrannyih/> (дата обращения 30.10.2016).

12. *Порошенко расшифровал значение слова «укроп»*. – <http://korrespondent.net/ukraine/3415960-poroshenko-rasshyfroval-znachenye-slova-ukrop> (дата обращения 30.05.2016).

13. *Послание президента Федеральному Собранию*. 4 дек. 2014 г. – http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/47250 (дата обращения 12.10.2015).

14. Рацибурская, Л.В. *Специфика современного медийного словотворчества* / Л.В. Рацибурская. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 136 с.

15. *Скоробогатый, П. Крымская планка* / П. Скоробогатый // *Эксперт*. – 2016. – № 12. – С. 40–43.

16. Туркова, К. *Словарный запас* / К. Туркова. Вып. 13. – <https://snob.ru/selected/entry/84996> (дата обращения 12.10.2015).

17. *Maria Zhakharova Знаете, почему я не «Шарли»? – <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/>* (дата обращения 30.05.2016).

КошкарOVA Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), studiumjuvenis@mail.ru

Поступила в редакцию 28 октября 2016

DOI: 10.14529/ling160406

NEOLOGISMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS COGNITIVE-DISCURSIVE PHENOMENON

N.N. Koshkarova, nkoshka@rambler.ru
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The paper is devoted to the description of the Russian language new words as a cognitive-discursive phenomenon. The author analyzes the words that are created in the language due to the following factors: political processes, moral norms and principles, social life. The conclusion is made that occasional words of the Russian language reflect conceptual and axiological preferences of speakers, these words are used in the different types of discourse, they are subject to genre and modus changes, these neologisms are displaced by new words which are more relevant for the definite time period.

Keywords: neologisms, cognitive-discursive phenomenon, political processes, genre, axiological preferences

References

1. Vepreva I.T. Ob aktual'noj lekseme Krymnash [About the Word Krymnash]. *Rus-skij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII s#ezda MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13–20 sentjabrja 2015 g.)*, pp. 31–35.
2. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie : ucheb. posobie* [Introduction into Cognitive Terminology Science]. Mocsow, 2011, 224 p.
3. Goncharova N.N. *Osobennosti formirovanija leksicheskogo fonda podjazyka informatiki i vychislitel'noj tehniki (na materiale kodificiro-vannoj i nekodificirovannoj leksiki)*. Dis. cand. philol. nauk. Tula, 2000, 201 p.
4. Il'jasova S.V. Jazykovaja igra v «setevyh jazykah» [Language Game in the “Net Language”]. *Internet-kommunikacija kak novaja rechevaja formacija* [Internet-Communication as New Speech Formation]. Moscow, 2012, p. 220.
5. Issers O.S. Ot ser'eznogo – do smeshnogo: igrovoj potencial rossijskogo slova goda [From Serious to Humorous: Game Potential of the Word of the Year]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2015, pp. 25–31.
6. Kas'janova L.Ju. Novoe slovo kak rezul'tat kognitivno-diskursivnogo osvoenija i interpretacii dejstvitel'nosti [New Word as a Result of Cognitive-Discursive Acquisition and Interpretation of Reality]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6397> (accessed 01.11.2016)
7. Koshkarova N.N. Novye slova rossijskoj politicheskoi dejstvitel'nosti [New Words of Russian Political Reality]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2013. no. 1 (292). pp. 83–86.
8. Koshkarova N.N. Neologizmy russkogo jazyka s točki zrenija lingvok-reativnoj dejatel'nosti. [Neologisms of the Russian Language from the Point of View of Linguo-Creative Activity]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive Studies of Language]. 2015, no. 20, pp. 825–829.
9. Novoselova E. *Pripravleno «ukropom»* [Spiced by «Ukrop»]. URL: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/12/21.html> (accessed 30.05.2016).
10. *Otkuda vzjalis' «krymnash» i drugie memy* [Where «Krymnash» and Other Memes Come From]. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml (accessed 30.05.2016).
11. *Pel'men'-ivent – jeto dlja izbrannyh* [Pel'men'-ivent Is for the Elite]. URL: <http://www.pravmir.ru/pelmen-ivent-eto-dlja-izbrannyih> (accessed 30.10.2016).
12. *Poroshenko rasshifroval znachenie slova «ukrop»* [Poroshenko Desyphered the Meaning of the Word «Ukrop»]. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3415960-poroshenko-rasshyfroval-znachenye-slova-ukrop> (accessed 30.05.2016).

13. *Poslanie prezidenta Federal'nomu Sobraniju* [The President's Address to the Federal Assembly]. 4 dekabnja 2014 g. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/47250 (accessed 12.10.2015).
14. Raciurskaja L.V. *Specifika sovremennogo medijnogo slovo-tvorchestva* [Specifics of the Modern Media Word-Creation]. Moscow, 2015, 136 p.
15. Skorobogatyj P. Krymskaja planka [Crimea Corss-Bar]. *Jekspet* [Expert]. 2016, no. 12, pp. 40–43.
16. Turkova K. *Slovarnyj zapas* [Word Stock]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/84996> (accessed 12.10.2015).
17. Maria Zhakharova *Znaete, pochemu ja ne «Sharli»?* [Do You Know Why I Am Not «Sharli»]. URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/> (accessed 30.05.2016).

Natalya N. Koshkarova, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of International Relations and Foreign Regional Studies, South Ural State University (Chelyabinsk), studiumjuvenis@mail.ru

Received 28 October 2016

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кошкарлова, Н.Н. Новообразования русского языка как когнитивно-дискурсивный феномен / Н.Н. Кошкарлова, // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 4. – С. 40–45. DOI: 10.14529/ling160406

FOR CITATION

Koshkarova N.N. Neologisms of the Russian Language as Cognitive-Discursive Phenomenon. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2016, vol. 13, no. 4, pp. 40–45. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling160406